

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

К.А. ЮдинСанкт-Петербургский государственный университет,
199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;Ивановский государственный университет,
153025 г. Иваново, Российская Федерация

*Вот до чего довела Вас
дружба с американцами!*
Особенности
советской культурной политики
в середине 1950-х – 1970-е гг.

Данная статья посвящена политико-идеологическим аспектам контроля над советской культурой. Автор сфокусировал внимание на периоде, принципиально важном и показательном для оценки и осмысления ситуации, связанной с взаимоотношениями интеллигенции и власти. Он охватывает интервал середины 1950-х – 1970-е гг., когда наблюдалась картина последовательной смены, чередования или одновременного функционирования различных стилей, подходов к управлению сферами культуры. На примере конкретных эпизодов, сюжетов биографического или институционального характера, сложного творческого самоопределения представителей литературного, художественного, музыкального сообщества, показываются противоречивые комбинации, состояния идеологического климата и партийно-государственных установок. Они включали в себя: явные атавизмы сталинизма – так называемые «заморозки» во время «оттепели» и в ходе десталинизации, реализации «линии XX съезда»; оппозицию и состязательность консервативной и либерально-обновленческой стратегий управления; выбор между коммерческими и идеологическими приоритетами; номенклатурный персонализм – принудительную опеку над культурой в период брежневского «умиротворения» с элементами рестаилинизации. Показывается, что ведущим индикатором неустойчивости культурной политики стала «холодная война», продолжавшая влиять на расширявшийся диапазон и интенсивность применения контрольно-цензурных технологий на основании

© Юдин К.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

«компрометирующих материалов» – контактов с «чужим» пространством, проявлений «политической неблагонадежности».

Ключевые слова: советская культура, интеллигенция, «холодная война», идеологический контроль, цензура, технологии и механизмы власти

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Юдин К.А. «Вот до чего довела Вас дружба с американцами!» Особенности советской культурной политики в середине 1950-х – 1970-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 30–46. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

K.A. Yudin

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

Ivanovo State University,
Ivanovo, 153025, Russian Federation

This is what your friendship with the Americans has brought you! Features of the Soviet cultural policy in the mid 1950's – 1970's

The article is devoted to the political and ideological aspects of control over the Soviet culture. The author focused on a period that is fundamentally important and indicative for assessing and understanding the situation related to the relationship between the intelligentsia and the authorities. It covers time period from the mid-1950's to the 1970's, during which there was a pattern of sequential change, alternation or simultaneous functioning of various styles, approaches to the management of cultural spheres. On the example of specific episodes, plots of a biographical or institutional nature, complex creative self-determination of representatives of the literary, artistic, musical community,

contradictory combinations, states of the ideological climate and party-state attitudes are shown. It is shown that the leading indicator of the instability of cultural policy was the “cold war”, which continued to influence the expanding range and intensity of the use of control and censorship technologies based on “compromising materials” – contacts with “foreign” space, manifestations of “political unreliability”.

Key words: Soviet culture, intelligentsia, ‘cold war’, ideological control, censorship, technologies and mechanisms of power

Acknowledgments. The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 18-18-00233, supported by the Russian Science Foundation, “Film images of Soviet and American enemies in the symbolic politics of the Cold War: A comparative analysis”.

FOR CITATION: Yudin K.A. “This is what your friendship with the Americans has brought you!” Features of the Soviet cultural policy in the mid 1950’s – 1970’s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 30–46. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

«Вот до чего довела Вас дружба с американцами!» – такой безапелляционно-осуждающий обвинительный «вердикт» был вынесен 10 февраля 1970 г. ректором Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского А.В. Свешниковым одной из сотрудниц подведомственной структуры – директору Научной музыкальной библиотеки им. С.И. Танеева В.Д. Магницкой за то, что последняя якобы осуществила «антисоветскую вылазку», передав американским частным лицам редкие экземпляры нот произведений дореволюционных композиторов [17, с. 625]. Несмотря на отсутствие сталинской риторики, данный эпизод вполне репрезентативно и емко отразил тревожно-взбудораженное, сотканное из антиномий, состояние социокультурного пространства – «холодное потепление».

В силу это приобретает особую актуальность целевая установка – определить диапазон трансформаций, перспективность политического курса в сфере культуры в условиях усилившегося воздействия конкурирующей идеологии Запада, расширяющейся осведомленности советского общества об альтернативном, капиталистическом образе жизни. Для это необходимо: проанализировать, какие административно-институциональные проявления приобретала советская политика по отношению к интеллектуальной элите, творческой интеллигенции; обозначить прямой и косвенный («фоновый») резонанс – реактивность ее представителей на применявшиеся методы воздействия; выявить значимость

«фактора США», усиления связей с Америкой и их влияния на функционирование Агитпропа, контрольно-распорядительную составляющую и политико-идеологический дискурс.

Во второй половине XX в. «холодная война» стала ведущим фактором, обострившим и без того непростое взаимодействие между властью и обществом. Особенно уязвимыми оказались представители творческой интеллигенции, вынужденные (нередко безуспешно) адаптироваться к иррациональным метаморфозам, «зигзагам» официальной культурной политики. Последняя все более сводилась к «аморфной институциональной эклектике» [24, с. 3, 14] на фоне декоративно-фигурной «либерализации» («оттепели»), что стало следствием незавершенной десталинизации, трансформировавшейся в брежневское консервативное «умиротворение» [14].

Десталинизация повлияла и на советскую кинополитику в отношении США. Трансляция привычных антиамериканских стереотипов, обусловленных изоляционистскими установками, сочеталась со все более проявлявшейся умеренностью в идеологической репрезентации. В 1954 г., за 4 года до известного Соглашения «Лэйси–Зарубина»¹, ставшего значительным импульсом для переговорного процесса, сотрудничества в области культуры, советское руководство продемонстрировало дипломатическую сдержанность в общении с американскими кинематографистами, основанную на информационных паллиативах. Визит американского режиссера Н. Дугласа, обратившегося в марте 1954 г. к Н.С. Хрущеву с просьбой разрешить посетить СССР для съемок цветного фильма «Россия сегодня», был признан нецелесообразным. «Нельзя гарантировать, – считали М.А. Суслов и В.С. Зорин, – что по возвращении Дугласа в США снятые им кадры не будут соответствующим образом смонтированы и использованы в антисоветских целях»². При этом было дано разрешение на передачу уже готовых киноматериалов через посредничество «Совэкспортфильма».

Индикаторами «вынужденного отступления» [21, с. 190–192] на пропагандистском «фронте», симптомов «сильной слабости» власти,

¹ «Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования и других областях» (“Agreement between the United States of America and Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical, and Educational Fields”) было подписано 27 января 1958 г. и традиционно обозначается в литературе по фамилиям представителей двух ратифицировавших его сторон – посла СССР в Вашингтоне Н.М. Зарубина и помощника государственного секретаря США У.С. Лэйси.

² Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР и другие материалы о расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных кинофильмов в 1955 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 70. Л. 16–17.

стремившейся при этом любой ценой сохранить контроль над культурной и общественно-политической сферой, становится фактически возобновление консервативных дисциплинирующих атак и других давно апробированных технологий в отношении как отдельных представителей творческой интеллигенции, так и результатов, направлений ее деятельности в целом. На смену сталинских «интервенций без правил», системы «управляющего диктатора» [22, с. 444; 23, с. 13] приходит цековский «номенклатурный персонализм» – принудительная опека, «забота» о правильности «идейно-политического воспитания трудящихся» со стороны М.А. Суслова, П.Н. Поспелова, Д.А. Поликарпова, С.П. Трапезникова, А.А. Суркова и др.

На официально-идеологическом уровне это выразилось в формальном обновлении историко-партийного пропагандистского арсенала. В 1964 г. увидела свет 6-томная «История Коммунистической партии Советского Союза», вышедшая под редакцией директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, академика АН СССР П.Н. Поспелова, в которой «все ограничивалось пересказом решений последних трех партийных съездов и пленумов ЦК, начиная с 1953 года» [1, с. 479]. Вероятно, ощущение глубокого разочарования в эфемерности перемен способствовало публичному самораскрытию т.н. «левых диссидентов», к которым в историографии [8; 19] относят «Союз патриотов» (группу Л.Н. Краснопевцева, Л.А. Ренделя и др.).

Их идейно-политические воззрения стали своеобразным «кривым зеркалом» хрущевской эпохи. Эмоциональность в оценках советского лидера («пьяница и болтун, кукурузный герой»), проявлявшиеся в основных программных документах – листовке, а также «Критике социализма» и «“Основных моментах развития русского революционного движения в 1861–1905 годах” (реферате)», составленных Л.Н. Краснопевцевым, переходила в разоблачение Н.С. Хрущева как нового диктатора, а осуществляемая под его руководством политическая линия характеризовалась как «стремление сохранить и укрепить режим своего господства и всеобщего угнетения» [10, с. 127; 15]. При этом, как справедливо отмечается в исследованиях, в работах Краснопевцева и др. «повторялись основные формы советской пропаганды – использование исторических примеров для подтверждения правоты» [19, с. 100], что привело только к очередному «утопическому ревизионизму», связанному с постулированием возможностей обретения «нового», «подлинного» движения к социализму после устранения большевизма и социал-демократии.

В то же время вряд ли стоит подвергать чрезмерной критике эту пусть и недостаточно зрелую, тенденциозно-дискурсивную, но живую

попытку рефлексии социально-политической реальности. Нужно принимать во внимание, что она была осуществлена в обстановке острой политико-идеологической напряженности – конфронтации с оппозицией – «антипартийной группой» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и «примкнувшего» к ним Д.Т. Шепилова, организованного преследования Б.Л. Пастернака, присуждение Нобелевской премии которому было расценено как политическая провокация, очередная попытка втягивания в «холодную войну» (см. [11]). Кроме того, представляется, что в «транзитный» период, накануне и в первые годы после известных событий – XX съезда КПСС, волнений в Венгрии 1956 г., – проявились все «классические симптомы» неустойчивого равновесия, амбивалентности культурной политики, выстраиваемой на противоречиях между идеологическими и коммерческими приоритетами, демонстративной политической принципиальностью и таким же «импровизационным» великодушием. Все это сопровождалось столкновением представителей различных направлений и стилей в музыкальном, литературно-художественном, театральном-кинематографическом искусстве.

Так, еще в марте 1955 г. просматривалась конъюнктурная уверенность в незыблемости прежнего курса. В докладной записке, направленной в ЦК КПСС заведующим Отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцевым и его заместителями – П.А. Тарасовым и П.И. Лебедевым, – выражалась обеспокоенность по поводу того, что «среди некоторой части молодежи распространились политически вредные разговоры о том, что решения партии по идеологическим вопросам, принятые в 1946–1948 гг., устарели и должны быть пересмотрены. Эта же часть молодежи вузов с легкостью подхватила вредные антипартийные “теории” “об искренности”, о “свободе творчества”, о мнимом и ложном “новаторстве”» [цит. по: 17, с. 458]. Были затронуты и проблемы распространения «идейно-вредных взглядов» – модернизма, формализма и других «эстетских взглядов» в искусстве [3, с. 259], что вызвало отклик со стороны «ордотоксов-реалистов». 10 марта 1955 г. от президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова с соблюдением информационно-аппаратных ритуалов также поступил «сигнал» – записка об «оживлении нездоровых, формалистических настроений» [Там же, с. 369] в изобразительном искусстве. Текст записки завершался просьбой «дать указание центральным органам печати о помещении ряда статей, в которых должны быть подвергнуты критике имевшие в последнее время место в изобразительном искусстве проявления и рецидивы формализма и эстетства» [Там же]. С этими доводами согласился Поспелов [3, с. 388]. В ноябре 1955 г. Международному Совету Изобразительных искусств в США был дан отрицательный ответ

на приглашение советских художников к участию в конкурсе на международную золотую медаль, что было аргументировано несовместимостью условий конкурса, «космополитическими принципами» оценки произведений с идейными предпочтениями советского изобразительно-го искусства [3, с. 446].

Еще задолго до «процесса Синявского–Даниэля» и, тем более, «дела» А.И. Солженицына, который в ноябре 1962 г. еще только обрел славу и популярность после опубликованного в 11 номере журнала «Новый мир» произведения «Один день Ивана Денисовича» [1, с. 474], за рубежом не прошла не замеченной аппаратно-номенклатурная инерция – «зámорозки» во время «оттепели». В марте 1958 г. от КГБ на имя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Ф.В. Константинова поступила информационная записка, в которой сообщалось: «В конце 1957 года английское посольство в Советском Союзе направило в МИД Англии меморандум, авторы которого пытались доказать свою точку зрения об “усилении в 1957 году контроля над литературой и искусством в Советском Союзе”. Англичане обратили внимание на замену редактора журнала “Советская музыка” и на критику ряда редакторов литературных газет и журналов, из чего был сделан вывод о намерении Правительства СССР прибегать в первую очередь к “мерам наказания редакторов” с тем, чтобы “оградить советское общество от проникновения в него духа критического реализма”» [цит. по: 17, с. 495].

В определенной степени это соответствовало действительности. В апреле 1958 г. вышло Постановление Комиссии ЦК КПСС «Об устранении недостатков в издании и рецензировании иностранной художественной литературы», обобщавшее текущую и предшествующую практику контроля и призывавшее «усилить деятельность редакционных советов издательств» с целью осуществления «строгого и всыскательного отбора произведений по их идейным и художественным достоинствам»³. Как отмечала датский историк Р. Магнусдоттир, «визит Хрущева в США в 1959 г. был призван... успокоить американскую общественность, запуганную красной угрозой. <...> Однако, уже в 1957 г. было ясно, что советское руководство недооценило значение холодной войны в культуре и повседневной жизни (курсив мой. – К.Ю.) и ту роль, которую в ней играли удобства, досуг, мода, уровень потребления. В итоге визит Хрущева произвел гораздо большее впечатление на советское общество, нежели на американское» [16, с. 128].

³ Вопросы идеологической работы: Сборник важнейших решений КПСС. (1954–1961 гг.). М., 1961. С. 247–249.

Все это усугубило дальнейший раскол в среде художественной интеллигенции и планомерную эскалацию конфликта с властью, вызвав к жизни такие события, как известный скандал в Манеже в декабре 1962 г., «бульдозерную выставку» сентября 1974 г. В июле 1974 г. группа художников, среди которых были Э.М. Белютин, А.Ф. Панкин, Е.А. Радкевич, Р.Ф. Гольшко и др., направила открытое письмо Сулову с требованием отказаться от руководства идеологической работой [4, с. 440-441].

Не отличалась последовательностью советская культурная политика и по отношению к другим сферам – музыкальному искусству, кинематографу, балету. До 1960 г. известный пианист С.Т. Рихтер являлся, по терминологии того времени, «невъездным». Географический диапазон его гастролей ограничивался только странами «социалистического лагеря». Несмотря на неоднократные ходатайства, поступавшие со стороны министра культуры СССР и супруги Рихтера Н.Л. Дорлиак, сообщавших с тревогой о «тяжелом моральном состоянии» музыканта, угнетенного подобным недоверием, вопрос о его статусе постоянно откладывался. 4 апреля 1958 г. Отдел культуры ЦК КПСС в очередной раз подтвердил собственные запретительные санкции (от 11 апреля 1956 г.), утвержденные Д.А. Поликарповым, П.Н. Поспеловым, Е.А. Фурцевой, М.А. Суловым, Л.И. Брежневым. Отмечалось, что нет возможности «согласиться с предложением Министерства культуры СССР о направлении С. Рихтера на гастроли в капиталистические страны» [цит. по: 17, с. 471]. В качестве основания вновь приводились «компрометирующие материалы» о расстреле отца музыканта в 1941 г. и «бегстве» его матери в Германию в конце войны [17, с. 492–494]. Незадолго до этого, в феврале 1958 г., Министерством культуры было подано ходатайство о присвоении Рихтеру звания народного артиста СССР, которое было удовлетворено лишь в 1961 г. Вскоре Рихтеру все же было разрешено выехать за пределы «своего» политико-идеологического пространства.

В марте 1960 г. Отдел культуры ЦК КПСС поддержал предложение Министерства культуры о направлении С. Рихтера с сопровождающим М.К. Белоцерковским на гастроли в Финляндию. При этом уже не скрывалась меркантильная мотивация – предполагалось, что гастроли Рихтера должны были быть устроены на «максимально высоких для Финляндии условиях (около 1000 долларов за концерт)» [цит. по: 17, с. 541]. Во время гастролей в США, состоявшихся в октябре 1960 г., Рихтер получил возможность увидеться с матерью. Их встреча состоялась в Вашингтоне при посредничестве деятелей культуры, в частности, американского дирижера Ю. Орманди, содействовавшего приезду

А.П. Москалёвой из ФРГ, а также официальных лиц – сотрудников советского посольства в США, получивших из ЦК КПСС и Министерства культуры СССР соответствующие указания [17, с. 544–545]. Однако и здесь оказались тесно взаимосвязанными политико-идеологическая и коммерческая составляющие. Даже после состоявшейся «реабилитации» Рихтера за ним осуществлялось пристальное наблюдение, выражавшееся в т.ч. в обеспокоенности контролирующих инстанций в вызревании у музыканта «капитулянтских» намерений, его восприимчивости к американской пропаганде. В декабре 1962 г. Рихтеру вновь было разрешено не только совершить поездку к матери в ФРГ, но и оказать ей материальную помощь, что также мотивировалось высокими заработками пианиста за гастроли во Франции и Италии, по результатам которых в государственный бюджет должно было поступить не менее 50 тыс. дол. [Там же, с. 586].

Не менее болезненно воспринимал зажимавшие его «клещи» советской культурной политики и другой известный деятель искусства, пианист и дирижер В.Д. Ашкенази. В отличие от Рихтера, он пошел на более радикальные шаги по пути своего самоопределения, став, в конечном итоге, т.н. «мягким невозвращенцем». В апреле 1963 г. председатель КГБ В.Е. Семичастный составил докладную записку, в которой сообщал, что «пианист Московской государственной филармонии Ашкенази Владимир Давидович 3 апреля с.г. заявил советнику посольства СССР в Лондоне т. Яроцкому о своем намерении временно не возвращаться в Советский Союз», приняв на себя обязательство не предпринимать «никаких действий, которые могут повредить Советскому Союзу» [цит. по: 17, с. 591–592]. В свете волнительных не только для советско-американской дипломатии, но и для всего мира событий, связанных с Карибским кризисом, было решено воздержаться от принципиально-демонстративных санкций в отношении пианиста, принимая во внимание, что «лишение Ашкенази советского гражданства по инициативе советской стороны будет использовано реакционными кругами капиталистических стран в целях антисоветской кампании» [цит. по: 17, с. 603].

Более драматично развивались события, связанные с творческо-политической «оппозицией» советскому режиму известных деятелей советского балета и музыки – Р.Х. Нуреевым, Н.Р. Макаровой, М.Н. Барышниковым, М.Л. Ростроповичем и Г.П. Вишневецкой и др., покинувшими СССР под «аккорды» публичного самораскрытия, затронувшего не только их, но и лиц, ответственных за их «политико-идеологическую устойчивость». 2 марта 1961 г. Д.А. Поликарпов и председатель Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС

А.К. Долуда на основании многочисленных предшествующих документов, характеризовавших Нуреева как «скандалиста и морально неустойчивого человека», а также по факту его отказа вернуться в СССР, квалифицировали данное поведение как измену Родине, предложив принять меры дисциплинарного характера, направленные на профилактику «притупления политической бдительности», проявленных сотрудниками советского посольства во Франции и администрацией Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова [цит. по: 17, с. 555]. Через 10 лет, в августе 1971 г., Н.Р. Макарова была лишена почетного звания заслуженной артистки РСФСР, поскольку поставила себя «вне рядов советского искусства», приняв сознательное решение перейти в состав американской балетной труппы [цит. по: 17, с. 631]. Громкий резонанс вызвало «дело» Ростроповича и Вишневецкой. 10 марта 1978 г. председатель КГБ Ю.В. Андропов, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин в специальной записке, адресованной ЦК КПСС, выступили с предложением о лишении Ростроповича и Вишневецкой советского гражданства [17, с. 665].

Оставалась окутанной неизменно сопровождавшим ее шлейфом противоречий и политика в сфере музыкального и кинематографического искусства. Конец 1950-х гг. отмечен внешне решительной ревизией, пересмотром сталинских инвектив. В мае 1958 г. была разрешена к показу⁴ вторая серия кинофильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», снятая в 1945 г., но запрещенная тогда к показу за ее «нехудожественность и антиисторичность» [7, с. 546, 612; 13, с. 144]. Была восстановлена репутация и картины Л.Д. Лукова «Большая жизнь», которая, как отмечалось, «в исправленном виде... хорошо повествует о жизни шахтеров Донбасса, рассказывает об их героизме по восстановлению шахт...»⁵. 12 декабря 1958 г. и.о. заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б.М. Ярустовский признал допустимой возможность выпустить картину на экраны страны⁶.

В то же время продолжались традиционные «проработки» членов кинематографического сообщества и созданных ими фильмов. Серьезной критике была подвергнута работа М.А. Швейцера «Тугой узел» (СССР, 1956 г.), признанная Отделом культуры ЦК КПСС «ошибочным

⁴ Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР и другие материалы о расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных кинофильмов в 1955 г. // РГАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 70. Л. 196.

⁵ Проекты постановлений ЦК КПСС, письма, справки, планы, записки и информации Министерства культуры СССР. 1958 г. // РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 79. Л. 57.

⁶ Там же. Л. 57–58.

и вредным» фильмом, «основным положением» которого является «противопоставление руководства партийными организациями рядовым членам партии»⁷. «Фильм, – отмечали цековские аппаратчики Б.С. Рюриков и А.Н. Сазонов, – оставляет тяжелое впечатление. Он явно рассчитан на подогревание нездоровых, враждебных партии настроений»⁸.

Не было устойчивости и в векторах институциональной политики, делегировании полномочий. В июне 1954 г. Министерству культуры было предоставлено право по «запуску в производство новых художественных, документальных и научно-популярных фильмов и выпуска их на экраны»⁹, что было оформлено совместным Постановлением Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 июня 1954 г.. Это мотивировалось недостаточной самостоятельностью Министерства культуры, приводящей к «безответственности», «отсутствию необходимой творческой инициативы», «подмене подлинно живого руководства киностудиями канцелярско-бюрократическим стилем работы»¹⁰. Однако через 2 года, судя по всему, ведомственная самостоятельность не оправдала «высочайших» ожиданий. В июне 1956 г. Министерству культуры было отказано в праве самостоятельного приобретения фильмов капиталистических стран, что объяснялось отсутствием необходимого уровня компетентности работников министерства и нарушением процедуры идеологической экспертизы западной кинопродукции: «Фильмы производства капиталистических стран направляются в Министерство культуры уполномоченными “Совэксспортфильм” за рубежом без тщательного отбора и без учета требований проката в СССР. <...> Достаточно сказать, что за время с ноября 1955 года и по март 1956 года ЦК КПСС был вынужден отклонить внесенные Министерством культуры СССР предложения о покупке 10 заграничных фильмов, неприемлемых по своему содержанию и качеству для проката на советском экране» [3, с. 502].

Определенную роль в критике советской культуры сыграли идеологические комиссии ЦК КПСС (Комиссия ЦК по вопросам идеологии, культуры и международным партийным связям, 1958–1961 гг., Идеологическая комиссия ЦК КПСС, 1962–1966). На одном из заседаний Идеологической комиссии ЦК КПСС, прошедшем 24 января 1964 г.,

⁷ Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР и другие материалы о расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных кинофильмов в 1955 г. // РГИАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 70. Л. 124.

⁸ Там же.

⁹ Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС... Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 23.

ее председатель Л.Ф. Ильичев предостерегал отечественных кинематографистов против выбора пути в сторону редукционистского эпитонства, заключающегося в ориентации на зарубежные фильмы, представляющие собой «"эkleктическую похлебку"», составленную из отрывков всех наиболее модных пустоцветов буржуазного декаданса» [12, с. 463].

Несколько сложнее обстояло дело с возвращением доброго имени композиторам-«формалистам» и признанием идейно-эстетической состоятельности их произведений. В 1957 г. Шепилов снял идеологические обвинения в «антинародном» характере их музыки, но подчеркнул, что постановления 1940-х гг. были резкими по форме, но правильными по содержанию¹¹. В постановлении ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”», датированном 28 мая 1958 г., отмечалось, что «талантливые композиторы, гг. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский... были огульно названы представителями антинародного формалистического направления» [цит. по: 17, с. 502]. При этом справедливость осуждения «мнимого “новаторства”, уводившего искусство от народа и превращавшего его в достояние узкого круга эстетствующих гурманов» [цит. по: 17, с. 502] не подвергалось сомнению. В марте 1959 г. Поликарпов и Ярустовский выражали обеспокоенность в связи с выявлением «неверных тенденций, наметившихся в балетном искусстве» [цит. по: 17, с. 514] по итогам премьеры балета С.С. Прокофьева «Каменный цветок». Спектакль вызвал интерес со стороны американских критиков как «первый в пост-сталинскую эру успешный отход от классических традиций русского балета...» [17, с. 514]. По мнению цеховских контролеров, возникала серьезная опасность «рецидивов» прошлых ошибок, заключавшихся в «явном подражании буржуазному модернизму» [цит. по: 17, с. 514]. Составленное ими ходатайство о медиа-политической «проработке» спектакля было одобрено. Эту узкую для маневрирования, между тем, что дозволено и что запрещено, «линию XX съезда» КПСС подтвердил и Хрущев: «Наша политика в искусстве, политика непримиримости к абстракционизму, формализму и любым другим буржуазным извращениям есть ленинская политика, которую мы неуклонно проводили, проводим и будем проводить»¹².

Поэтому, несмотря на многочисленные либеральные эксперименты с культурой и «социалистический романтизм», исходивший от Хрущева,

¹¹ Творить для блага и счастья народа: речь секретаря ЦК КПСС товарища Д.Т. Шепилова на Втором Всесоюзном съезде советских композиторов // Правда. 1957. 4 апреля. С. 3–4.

¹² Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 216.

в целом, как представляется автору, можно усмотреть имплицитные симптомы склонности к консерватизму в управлении и стиле руководства, проявившиеся в полной мере только в брежневскую эпоху. В феврале 1975 г. советская делегация в Варшаве на совещании руководителей министерств кинематографии получила следующие директивы для дальнейшего официально-публичного воспроизводства, в некоторой степени вобравшие в себя неосталинскую лексику в модернизированном варианте: «Идеологическое противоборство двух социально-экономических систем – капиталистической и социалистической – все острее проявляется в сфере культуры. <...> Буржуазный кинематограф все более скатывается на путь проповеди идей человеконенавистничества, занимается смакованием человеческих пороков и слабостей, уводит его от насущных социальных проблем»¹³. 13 июня 1977 г. вышло Постановление коллегии Министерства культуры СССР № 8с «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности работников учреждений культуры и искусства», выдержанное в привычной модальности «разоблачительного меморандума» [17, с. 660]. В это же время, в июне 1977 г., был разработан на основании специального Постановления ЦК КПСС и распространен «План организационных мероприятий по упорядочению и повышению политической бдительности сотрудников “Союзэкспортфильма”», наминавший «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время», составленный в марте 1949 г. [20, с. 321–324]. Как и ранее, перед сотрудниками кинематографических ведомств ставились задачи «выявлять факты создания и демонстрации антисоветских фильмов и принимать меры к прекращению этого»¹⁴.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Диапазон трансформаций и перспективы качественного обновления политического курса в отношении культуры в период «холодного потепления» оказались ограниченными и имманентно-лимитированными. В значительной степени это было связано с жесткой, системно-институциональной преемственностью сложившихся «правил игры», методов и стиля управления. Технологии и принципы амбивалентности партийно-государственного контроля над культурой проявлялись и в предшествующий

¹³ Распоряжения Совета Министров СССР по вопросам кинематографии. 1975 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. (Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии (Госкино)). Оп. 25. Д. 91. Л. 4–5.

¹⁴ Письма в ЦК КПСС об участии советской кинематографии в международных кинофестивалях, прокате советских фильмов за рубежом и другим вопросам культурного сотрудничества. 1976–1977 гг. // Там же. Оп. 26. Д. 81. Л. 64.

период. Классическим примером и подтверждением этого можно считать дуализм сталинской кинополитики. В ней также наблюдались встречные тенденции – стимулирование политической бдительности, нетерпимости к «по-ту-сторонней» медиапродукции и легальная трансляция кинофильмов из «трофейного фонда», прошедших «строгий идеологический контроль и признанных непротиворечащими репертуарной политике государства» [25, с. 188]. Параллельно с закрытием в феврале 1948 г. Государственного музея нового западного искусства, объявленного «рассадником формалистических взглядов и низкопоклонства перед упадочной буржуазной культурой эпохи империализма»¹⁵, демонстрация «чужих» кинофильмов «признавалась желательной»¹⁶. Поэтому вполне обоснованным представляется вывод исследователей о том, что еще во время Второй мировой войны и после нее СССР «испытал значительное культурное воздействие со стороны США» [2, с. 58].

После устранения «фактора Сталина» советское руководство столкнулось с серьезной проблемой – необходимостью модернизации «идеологической платформы» [9, с. 323], подходов к управлению культурой с учетом как внутренних, так и внешних либеральных ожиданий, – и ее защиты, предотвращения уязвимости в условиях усилившихся «холодных» информационных «вызовов». Значительную роль в этом процессе продолжали играть США, возобновленный диалог с которыми на высшем уровне предоставил новые возможности для самореализации представителям творческой интеллигенции, одновременно вынужденных претерпевать цековскую подозрительность и другую ведомственную «опеку», носившую по-прежнему консервативно-формализованный характер. Институционально-политические трансформации привели «к управленческой неразберихе, т.к. не было конкретного распределения сфер деятельности между городским отделом культуры, Министерством культуры и Отделом культуры ЦК КПСС. Все важные вопросы культурной политики фактически решались только в партийных органах» [5, с. 49]. Для советской действительности становилось все более очевидным, что «сложившаяся при определенных обстоятельствах и требующая определенного типа руководства (вождизм) система давала все большие сбои, накапливала “ошибки”» [6, с. 179], что способствовало ее саморазрушению.

Сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была отражена в кинематографе, в частности, в колоритных кинопроизведениях, снятых

¹⁵ Проекты постановлений ЦК ВКП(б), записки, справки Отдела пропаганды и агитации. 1948 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. (Центральный комитет КПСС). Оп. 132. Д. 637. Л. 21.

¹⁶ Доклады о прокате советских фильмов за границей. 1949 г. // Там же. Д. 429. Л. 55.

в 1950–1960-х гг. знаменитыми советскими режиссерами Н.Н. Кошеверовой, Э.А. Рязановым, А.П. Тутьшкиным, И.В. Ильинским, Л.И. Гайдаем, Э.А. Климовым, В.И. Герасимовым и др. Поэтому даже «мягкий» контроль над культурой в период «оттепели» воспринимался как все более отягощавший и архаичный, а порции предоставляемой свободы – становились недостаточными для желаемой духовно-интеллектуальной и материальной автономии, доступной на Западе, за «железным занавесом». Все это стало причиной дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между властью и творческой интеллигенцией, обострению конфликта целей и приоритетов.

Библиографический список / References

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. [Aksyutin Yu. V. Khrushchevskaya «ottepel» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964]. Moscow, 2010.]
2. Антонова И.А. Российско-американские отношения в сфере кино в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы // Клио. 2012. № 4 (64). С. 55–59. [Antonova I.A. Russian-American relations in the field of cinema during the Second World War and the first post-war years. *Clio*. 2012. No. 4 (64). Pp. 55–59. (In Russ.).]
3. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. [Apparat TsK KPSS i kultura. 1953–1957: Dokumenty [CPSU Central Committee apparatus and culture. 1953–1957: Documents]. Moscow, 2001.]
4. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы. В 2 т. Т. 1. 1973–1976. М., 2011. [Apparat TsK KPSS i kultura. 1973–1978. Dokumenty [CPSU Central Committee apparatus and culture. 1973–1978. Documents]. Vol. 1. 1973–1976. Moscow, 2011.]
5. Бурева Е.В. Трансформация системы управления культурой ТАССР в 1950–1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 47–49. [Bureva E.V. Transformation of the cultural management system of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1950's–1960's. *Manuscript*. 2017. No. 12 (86). Part 2. Pp. 47–49. (In Russ.).]
6. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. [Vlast i oppozitsiya. Rossiiskii politicheskii protsess XX stoletiya [Power and opposition. Russian political process of the twentieth century]. Moscow, 1995.]
7. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. [Vlast i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b)–VKP(b), VChK–OGPU–NKVD o kulturnoi politike. 1917–1953 [Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the Russian Communist

- Party (Bolsheviks) – All-Russian Communist Party, Cheka–OGPU–NKVD on cultural policy]. Moscow, 1999.]
8. Герасимова О.Г. Общественно-политическая жизнь студентов МГУ в 1950-е – середине 1960-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. [Gerasimova O.G. Obschestvenno-politicheskaya zhizn' studentov MGU v 1950-e – seredine 1960-kh gg. [Social and political life of MSU students in the 1950's – mid 1960's]. PhD theses. Moscow, 2008.]
 9. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2009. [Goryaeva T.M. Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow, 2009.]
 10. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106–135. [“Case” of young historians (1957–1958). *Voprosy istorii*. 1994. No. 4. Pp. 106–135. (In Russ.).]
 11. Золотоносов М. Ленинградская двухдневка ненависти: «Братья Ершовы» против «Доктора Живаго» // Новое литературное обозрение. 2013. № 2(120). С. 93–123. [Zolotonosov M. Leningrad two-day hate: “Brothers Ershovs” versus “Doctor Zhivago”. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013. No. 2 (120). Pp. 93–123. (In Russ.).]
 12. Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. [Ideologicheskie komissii TsK KPSS. 1958–1964: Dokumenty [Ideological commissions of the CPSU Central Committee. 1958–1964: Documents]. Moscow, 1998.]
 13. Кинематограф оттепели: Документы и свидетельства. М., 1998. [Kinematograf ottepeli: Dokumenty i svidetelstva [Cinematography of the Thaw: Documents and evidence]. Moscow, 1998.]
 14. Козлов В.А. Массовые беспорядки при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010. [Kozlov V.A. Massovye besporyadki pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.) [Riots under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980's)]. Moscow, 2010.]
 15. Краснопевцев Л. Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 годах. Фрагмент рукописи 1957 г. // Карта. 1997. № 17–18. С. 57–64. [Krasnopevtsev L. Main moments of the development of the Russian revolutionary movement in 1861–1905. Fragment of the 1957 manuscript. *Karta*. 1997. No. 17–18. Pp. 57–64. (In Russ.)]
 16. Магнусдоттир Р. «Будьте осторожнее в Америке, Никита Сергеевич!»: советская концепция мирного сосуществования с Соединенными Штатами Америки в 1959 г. // СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / Отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М., 2017. С. 105–129. [Magnúsdóttir R. “Be more careful in America, Nikita Sergeevich!”: Soviet concept of peaceful coexistence in the United States of America in 1959. *SSSR i SShA v XX veke: vospriyatie «drugogo»*. B. Fieseler, R. Magnúsdóttir (eds.). Moscow, 2017. Pp. 105–129. (In Russ.)]
 17. Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. Документы / Сост. Л. Максименков. М., 2013. [Muzyka vmesto sumbura: Kompozitory i muzykanty v Strane Советов. 1917–1991. Dokumenty [Music instead of confusion: Composers and musicians in the Land of the Soviets. 1917–1991. Documents]. L. Maksimenkov. Moscow, 2013.]

18. Ряпусова Д.Н. «Что сегодня нам покажет товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 85–196. [Ryapusova D.N. “What will Comrade Bolshakov show us today?”: Problems of the post-war Ural film distribution in the light of Stalin’s film politics. *Bulletin of Perm State University. Series: History*. 2013. No. 1 (21). Pp. 85–196. (In Russ.)].
19. Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева–Ренделя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 3. С. 98–103. [Sergeev V.N. On the question of the ideology of the Krasnopevtsev–Rendel group. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science*. 2012. No. 3. Pp. 98–103. (In Russ.)].
20. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. [Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa TsK [Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Agitprop of the Central Committee documents]. Moscow, 2005.]
21. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. [Fateev A.V. *Obraz vruga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg.* [The image of the enemy in Soviet propaganda. 1945–1954]. Moscow, 1999.]
22. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. [Khlevnyuk O.V. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Stalin and the establishment of the Stalin’s dictatorship]. Moscow, 2010.]
23. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. [Khlevnyuk O.V., Gorlitskii I. *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury* [Cold World: Stalin and the end of the Stalin’s dictatorship]. Moscow, 2011.]
24. Юдин К.А. От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 3–15. [Yudin K.A. From the Stalin’s dictatorship to Khrushchev’s “modernization”. *Voprosy Istorii*. 2016. No. 12. Pp. 3–15. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 17.12.2020, принята к публикации 28.01.2021
The article was received on 17.12.2020, accepted for publication 28.01.2021

Сведения об авторе / About the author

Юдин Кирилл Александрович – кандидат исторических наук; исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет; доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет

Kirill A. Yudin – PhD in History; the grant performer, Saint-Petersburg University; associate professor at the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russian Federation

E-mail: yudin-kir88@yandex.ru